

В. К. ЧИЧАГОВ

О ДИНАМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ РУССКОГО
ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ*

§ 1. Тема настоящей статьи относится к области русской речевой интонации. Каждое русское предложение в фонетическом отношении характеризуется определенной интонацией. Интонация является важнейшим структурным элементом предложения как единицы речи.

Слово «интонация» в русской лингвистической литературе до сих пор не получило значения термина и употребляется обыкновенно в двух значениях: чаще всего — как обозначение совокупности ряда явлений, образующих фонетическое предложение: высоту тона, силу, темп и тембр¹, затем как обозначение только первого из перечисленных выше составов фонетического предложения — изменения высоты тона. В этой работе слово «интонация» будет употребляться в первом из указанных значений, для обозначения же изменений высоты тона мы принимаем, вслед за другими, термин «мелодика».

Данная статья посвящена изучению одного из перечисленных выше составов русской интонации, а именно — явлениям с и л ы проношения, которые в дальнейшем, как и другие исследователи, мы будем называть д и н а м и ч е с к и м и, или с и л о в ы м и. Наблюдения наши над указанными явлениями в основном относятся только к тем предложениям, которые принято называть повествовательными.

§ 2. Словые, или динамические, явления русской речи изучены очень слабо, даже по сравнению с мелодикой. Основной причиной отставания изучения русской интонации, в частности — ее динамических явлений, являются прежде всего технические трудности: интонационные явления, в числе их и динамические, трудно бывает уловить простым слухом в достаточной полноте, еще труднее записывать их, а в связи с тем и другим не менее трудно и исследовать. Только развитие экспериментальной фонетики, основанной на применении усовершенствованных приборов, может помочь русистам ликвидировать это отставание.

Отлично сознавая все это, автор настоящей статьи тем не менее решается опубликовать работу, основанную на наблюдениях простым слухом и на самонаблюдении, считая, что исследуемые явления доступны для проверки на своей собственной речи каждому русскому. Подобные наблюдения могут послужить и некоторым новым толчком к исследованию русской речевой интонации, и не только с помощью обыкновенного слуха, но и с помощью достижений современной техники.

§ 3. В русской лингвистической литературе описание динамических (словых) явлений предложения обыкновенно сводится к указанию на на-

* Настоящая статья покойного лингвиста В. К. Чичагова представляет собой главу из большого неоконченного труда, посвященного вопросам интонации, словорасположения и различий в «стилях говорения» современного русского языка. Статья подготовлена к печати О. Г. Гецовой. — *Ред.*

¹ Ср., например, В. Всеволодский-Гернгросс, Теория интонации, Пг., 1922, стр. 5. Нельзя не вспомнить, что подобным же образом понимал интонационные особенности речи еще двести лет назад М. В. Ломоносов (см. его «Российскую грамматику», Полн. собр. соч., т. 7 — Труды по филологии, М.—Л., 1952, стр. 395—396).

личие в предложении так называемого логического ударения или, в лучшем случае, — еще одного или нескольких ударений меньшей силы, которые одними исследователями называются «фразовыми» (Л. В. Щерба), а другими никак особо не называются (А. М. Пешковский). Однако динамические, или силовые, явления русского предложения состоят не только в ударениях, хотя за последними и должно быть признано большое значение.

Л. В. Щерба в своем исследовании о восточнолужицком наречии посвятил специальный раздел фонетической характеристике фразы обследованного им наречия. В этом разделе он между прочим писал: «фонетическая фраза характеризуется тем, что слова, входящие в нее, за исключением слова или слов, которые носят так называемое логическое ударение, имеют менее выраженные ударения, а то и вовсе их не имеют»¹. Эти слова Л. В. Щербы сохраняют полную силу и по отношению к русскому языку. Поэтому А. Н. Гвоздев с полным основанием пишет, что в русском языке «сила ударений в ряде слов, составляющих одно предложение или словосочетание, неодинакова. Обычно в предложении выделяют одно наиболее сильное ударение, которое и получило название фразового, или логического, ударения. ...несомненно, что имеется целый ряд градаций по силе и среди слов, не имеющих фразового ударения»².

Таким образом, в интонации каждого предложения, наряду с его мелодией или мелодической структурой, представляющей собой известное движение тона, следует различать его динамику или его динамическую структуру, представляющую собой движение силы произношения в пределах интонации того или иного предложения. Согласно сказанному выходит, что ударяемыми словами в составе предложения, в том числе и логически ударяемыми, не исчерпываются динамические явления предложения. Более того, сами эти ударяемые слова или ударения не являются в интонации предложения чем-то стоящим на особом положении, изолированным, а тем более привносимым говорящим извне, а являются лишь элементами динамических структур соответствующих предложений. Итак, в интонации предложения, наряду с его мелодией или мелодической структурой, следует различать не просто ударения, а определенную динамическую структуру, которая существует в ней одновременно и неразрывно со структурой мелодической. Изучение указанных явлений должно состоять не только в констатировании наличия логического ударения или ударений в предложении, как это обычно делалось до сих пор, а в описании различных динамических структур предложения, подобно тому как при описании мелодических явлений предложения никогда не ограничиваются описанием одних наибольших повышений тона.

§ 4. О динамических явлениях современной русской речи нам известно очень немногое. И это немногое в основном сводится к учению о так называемом логическом ударении или ударении в предложении. Термин «логическое ударение» хотя и определяется издавна более или менее одинаково, однако это не мешает тому, что разные авторы, в том числе и лингвисты, принимают за логическое ударение разные фонетические явления в интонации предложения.

Хотя учение о логическом ударении было хорошо известно и в XIX в. и с тех пор изменилось мало, однако было бы неправильно сказать, что изучение динамических явлений русской речи в XX в. вперед не продвинулось: были высказаны новые мысли, сделаны новые наблюдения. Наибольший интерес представляют для нас высказывания А. М. Пешковского и Л. В. Щербы.

¹ Л. В. Щерба, Восточнолужицкое наречие, т. I («Зап. ист.-филол. фак-та Имп. Петрогр. ун-та», ч. СХХVIII), Пг., 1915, стр. 38.

² А. Н. Гвоздев, О фонологических средствах русского языка, М.—Л., 1949, стр. 105—106.

§ 5. Рассматривая интонацию как «способ выражения категории сказуемости», А. М. Пешковский пишет: «Интонационный способ есть не что иное, как особый вид ударения, которое мы делаем на одном из слов фразы. Ударение это обычно называется «логическим», но на самом деле по происхождению своему оно может быть и логическим, и психологическим, и до некоторой степени грамматическим... и даже чисто ритмическим (когда во фразе не выделяется никакого логического или психологического центра), и потому его лучше всего называть безразличным в отношении происхождения термином **фразное ударение**. Так вот именно фразное ударение, объединяющее и обусловливающее в интонационном отношении всю фразу, но помещающееся только на одном ее слове, и является выразителем того, что фраза эта сказана не говорильной машиной и не с экспериментальным удалением мысли из речи, а является естественным выражением человеческой мысли. ...Ударение это имеет три основных вида: повествовательный, вопросительный и восклицательный. В тех случаях, когда вся фраза состоит из одного слова, оно, конечно, помещается на этом единственном слове... Когда же во фразе несколько слов, оно может поместиться на любом полном слове»¹.

Критика А. М. Пешковским термина «логическое ударение» не лишена некоторых оснований. Попытки связать это ударение — явление по природе своей языковое — с логикой действительно делались². Но, с другой стороны, термин «фразное ударение», предложенный А. М. Пешковским, сам не лишен существенных недостатков: он не указывает на функции обозначаемого им ударения. Между тем термин «логическое ударение» может быть понят (и понимается многими) как указание на функцию этого ударения в речи, как указание на то, что с этим ударением связана интонационная, а вместе с нею и смысловая законченность предложения, хотя бы и относительная. Поэтому термин «фразное ударение» и оказался не в состоянии вытеснить термин «логическое ударение».

Не получила научного применения и мысль А. М. Пешковского о трех видах фразного ударения: повествовательном, вопросительном и восклицательном. Это различие, основанное на внешних по отношению к изучаемому явлению фактах (типах предложений, в которых это ударение обнаруживается), очень мало может содействовать уточнению наших представлений о динамических явлениях русского предложения.

Не можем мы согласиться и с положением, получившим очень широкое распространение в нашей лингвистической литературе, согласно которому логическое («фразное») ударение в предложении «может поместиться на любом полном слове». Получается, будто между логическим («фразным») ударением и интонацией, а также структурой всего предложения в целом нет никакой связи, никакой взаимозависимости³. Это, конечно, неправильно. Читая книгу, например какое-нибудь художественное произведение, мы почти никогда не задумываемся над тем, на какие слова в проходящих перед нашими глазами предложениях приходится логическое ударение, а между тем предложения эти мы понимаем в общем правильно, т. е. так,

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 6-е изд., М., 1938, стр. 176—177.

² Так, например, в 1907 г. в Одессе была издана книга И. Смоленского, которая называлась «Пособие к изучению декламации. О логическом ударении. Недостоящая в трудах по логике глава» (разрядка моя.— В. Ч.) (см. А. М. Пешковский, там же).

³ Подобный взгляд отражается и в более поздних работах. Так, во «Введении в общую фонетику» (Л., 1948) М. И. Матусевич при описании мелодики предложения принимает во внимание произношение всего предложения, а при описании динамических явлений ограничивается описанием изолированных явлений (ударений), не делая при этом ни малейшей попытки установить между теми и другими какую-нибудь связь или какие-нибудь отношения.

как их понимал автор сочинения. Если бы между ударением, интонацией и структурой предложения зависимости не существовало, то такое чтение и понимание написанного с листа было бы невозможно.

Несколько слов о примерах А. М. Пешковского. Все приводимые им предложения, состоящие из ряда одинаковых слов: *у нас, вчера, был, спектакль*¹, конечно, могут встретиться в русском языке. Но все они отнюдь не являются вариантами одного предложения. Каждое из них вполне самостоятельно и отличается от других не только по смыслу, но и по употреблению. В самом деле, нетрудно заметить, что все эти «варианты» могут явиться в речи лишь при разных условиях. Например, в начале рассказа повествования может явиться лишь такое предложение: *У нас вчера был спектакль. Народу собралось много. Пришли знакомые моих родителей, мои товарищи по школе.* Ни одно из трех других предложений при описанных условиях появиться не может. Но все они возможны в диалогической речи. Однако и здесь условия их появления будут неодинаковы. Так, предложение *У нас вчера был спектакль* может явиться как ответ на вопрос: *У вас вчера был спектакль?* Последнее предложение *У нас вчера был спектакль* может возникнуть лишь при особых условиях, при которых необходимо громкое говорение. Например, если бы мы обратились к какому-либо собранию с вопросом: *У кого вчера был спектакль?*, то из аудитории можно было бы услышать: *У нас вчера был спектакль.* Таким образом, приводимые А. М. Пешковским четыре предложения, состоящие из одинаковых слов, свидетельствуют не о том, что логическое («фразное») ударение может поместиться на любом полном слове, а лишь о том, что в данных и подобных им предложениях логическое ударение может находиться только на одном слове.

Одно из важных наблюдений А. М. Пешковского состоит в том, что в предложениях повествовательного вида, кроме логического («фразного») ударения, могут существовать и другие, менее заметные ударения. Наряду с интонацией (мелодикой), эти ударения привлекались А. М. Пешковским для объяснения ряда явлений русского языка, в том числе и грамматических (ср., например, известное его учение об обособленных второстепенных членах).

Весьма важным мы считаем определение значения логического ударения для структуры русского предложения. По мнению А. М. Пешковского, это ударение объединяет и обуславливает в интонационном отношении всю фразу, хотя и помещается только на одном ее слове. Из этого определения следует, что логическое («фразное») ударение не является в предложении чем-то посторонним по отношению к интонации, но является структурным элементом этой интонации, а вместе с нею — всего предложения в целом. Именно эта мысль А. М. Пешковского положена в основу предлагаемых ниже наблюдений и рассуждений, хотя сам он не только не реализовал ее полностью, но и вступал в явное противоречие с нею.

§ 6. В общем в том же направлении шла исследовательская мысль и Л. В. Щербы. Заключая свою мысль о том, что разные слова фразы могут иметь ударение разной степени (см. выше), Л. В. Щерба пишет: «Само собой разумеется, что одни слова реже находятся в таком неударенном положении, другие — чаще, третьи — всегда»². Данное наблюдение имеет значение и по отношению к русскому языку. Из этого наблюдения следует, что каждое слово в составе того или иного предложения имеет свою определенную характеристику в динамическом отношении, т. е. занимает в динамической структуре этого предложения свое определенное место. Отсюда следует также, что и слова, являющиеся носителями логического ударения, вовсе не представляют собой в интонационной структуре фразы чего-то изолированного, а являются элементом этой структуры. Рассматривая сочетания определения и определяющего слова,

¹ См. А. М. Пешковский, указ. соч., стр. 177.

² Л. В. Щерба, указ. соч., стр. 38.

Л. В. Щерба пишет, что самая важная часть в этих сочетаниях «носит ударение, все же остальные части приближаются к энклитикам»¹. Это ударение в «Оглавлении» называется «фразовым»².

Для понимания учения Л. В. Щербы о фразовом ударении очень важно также следующее место в его статье, посвященной лингвистическому толкованию стихотворения Пушкина «Воспоминание»: «... фразовое ударение, — говорится здесь, — играет двойную роль: во-первых, цемента, скрепляющего фразу; во-вторых, сигнала, выделяющего тот или другой элемент речи и имеющего, в частности, либо эмоциональное значение, либо логико-психологическое, обозначая в таком случае так называемое „психологическое сказуемое“». Фразовое ударение в этой выделяющей функции известно под именем „логического ударения“, ... фразовое ударение, если имеет не выделяющую функцию, а одну лишь фразообразующую, падает в русском языке на конец „фразы“ и тогда нами не особенно замечается»³.

Л. В. Щерба, как и А. М. Пешковский, стремился уяснить значение логического ударения (и других ударений) на основе интонации предложения в целом. Оба исследователя были близки к мысли о том, что в интонации предложения следует различать не только мелодический рисунок или мелодическую структуру соответствующего предложения, но и его динамический рисунок или его динамическую структуру, хотя ни тот, ни другой из названных исследователей не сформулировал этой мысли с полной ясностью.

§ 7. Важное уточнение в понимание фонетической (материальной) природы логического ударения вносит упоминавшаяся уже превосходная работа В. Всеволодского-Гернгросса «Теория интонации». «В литературе почти всюду встречается утверждение, — говорится здесь, — что логическое ударение состоит не только в усилении, но и в повышении тона. ... Однако... мы можем категорически утверждать, что логическое ударение характеризуется: 1) усилением тона и 2) мелодическим акцентом, который, в зависимости от характера произнесения текста, может двигаться в обе стороны — вверх и вниз»⁴.

Если принять во внимание, что второй элемент этой характеристики — мелодический акцент — является составной частью мелодии предложения, являющейся в речи всегда вместе и одновременно с его динамической структурой, то в качестве физической характеристики логического ударения остается только один признак: усиление тона. **Н а и б о л ь ш е е у с и л е н и е т о н а н а о д н о м и з с л о в п р е д л о ж е н и я и я в л я е т с я л о г и ч е с к и м у д а р е н и е м в с о б с т в е н н о м с м ы с л е этого слова. Слово «ударение», следовательно, точно соответствует обозначаемому им явлению. К этому пониманию физической природы логического ударения присоединяется и автор данной статьи»⁵.**

¹ Л. В. Щерба, указ. соч., стр. 146.

² Там же, стр. XIII.

³ Л. В. Щерба, Опыты лингвистического толкования стихотворений. I. «Воспоминание» Пушкина, сб. «Русская речь», под ред. Л. В. Щербы, I, Пг., 1923, стр. 23—24. Ср. е г о ж е, Фонетика французского языка, М.—Л., 1937, стр. 78 и сл.

⁴ В. Всеволодский-Гернгросс, указ. соч., стр. 81.

⁵ В лингвистических трудах и работах по художественному чтению приходится встречаться и с другими точками зрения. Так, в некоторых современных исследованиях вновь встречается утверждение, будто логическое ударение состоит не только в усилении, но и в повышении тона (см., например: М. И. Матусевич, указ. соч., стр. 74; М. Воскресенский, К вопросу о словорасположении в русском языке, «Р. яз. в шк.», 1936, № 4, стр. 4; А. С. Чикобава, Введение в языкознание, ч. 1, 2-е изд., М., 1953, стр. 161; В. Суренский, Работа над осмысленным чтением, «Р. яз. в шк.», 1936, № 4, стр. 43). Авторы указанных работ не всегда разграничивают выделение слов с помощью ударения от выделения слов с помощью повышения голоса. Основой этого является широко распространенное убеждение, согласно которому логическое ударение представляет собой явление, блуждающее по поверхности интонации предложения и могущее поэтому «поместиться на любом [его] полном слове» (Пешковский).

§ 8. Ударение не является в предложении чем-то привнесенным со стороны, а органически связано с его интонацией. Положение логического ударения в интонации предложения весьма сходно с положением в ней наибольшего повышения (недаром последнее принимается некоторыми за логическое ударение). Как наибольшее повышение тона, приходящееся обыкновенно на одно из слов того или иного предложения, является лишь составной частью (при этом самой заметной для слуха) мелодии предложения, так и логическое ударение является лишь составной частью (также наиболее заметной для слуха) динамической структуры того же предложения. Мелодия и динамическая структура существуют в интонации предложения одновременно и неразрывно. И если изучать их самостоятельно, по отдельности и равноправно, то придется говорить не только об одних ударениях (или повышениях) в предложениях, а о динамической и мелодической структурах.

Итак, следовательно, логическое ударение существует в интонации предложения не как что-то изолированное и самостоятельное, а как элемент его динамической структуры. Динамическая структура предложения, в свою очередь, является лишь одним из составов интонации предложения, связанным непосредственно прежде всего с его мелодией. Изучение взаимоотношений, в которых находятся в составе интонации динамическая структура и мелодия, а также и другие составы интонации, представляется нам одной из самых важных и интересных проблем фонетики русского предложения.

Положение о том, что в повествовательном предложении, как правило, представлено одно логически ударяемое слово, разумеется, несколько не противоречит тому, что в том же самом предложении могут быть еще другие, второстепенные, ударения: по силе произношения они будут уступать логическому ударению, а по значению будут приближаться к нему. Но в отличие от последнего, вносящего в предложение интонационную и смысловую законченность, они будут вносить интонационную и смысловую законченность лишь в определенный отрезок предложения.

§ 9. Согласно сказанному в предшествующем параграфе, логическое ударение в русском языке является наиболее заметным для слуха элементом динамической структуры предложения, в частности повествовательного. Теперь мы можем перейти к вопросу о способе разграничения динамических структур русских повествовательных предложений и о видах этих структур. Указанное разграничение может быть осуществлено без особых затруднений на основании места расположения в динамической структуре главного ударения, иначе говоря — места расположения в предложении слова, являющегося носителем логического ударения. В соответствии с описанным критерием в русском языке можно различить следующие три основных вида динамических структур повествовательных предложений.

1. У с и л и в а ю щ и е с я д и н а м и ч е с к и е с т р у к т у р ы.

В предложениях, построенных на основе названных динамических структур, слова произносятся все с более и более возрастающей силой, начиная от первого слова к последнему; слово, произносимое с наибольшей силой, т. е. логически ударяемое, находится в конце предложения. Примеры:

1) «Треплев кладет у ее [Нины] ног чайку. [Нина] Что это значит? [Треплев] Я имел подлость убить сегодня эту чайку...» (Чехов); 2) «[Лядыгин] Слушай, что они там у тебя затеяли? [Вера Артемьевна] Ты чудак, Митя. Они вешают твою картину» (Леонов); 3) «[Маша] Ну, хорошо, давайте помолчим (Пауза). [Маша] Мне нравится ваша дружба с Васькой» (Леонов); 4) «[Капитолина Петровна] За что же ты его так? [Марина] Его выгнали из пионеров!» (Михалков).

2. Убывающие динамические структуры.

В предложениях, построенных на убывающих динамических структурах, слово, произносимое с наибольшей силой, т. е. логически ударяемое, стоит в начале предложения; все остальные слова произносятся с более или менее постепенным ослаблением. Примеры:

1) «[Ладыгин] Что у нас там, сражение происходит? [Параша] *Сторож* с табуретки рухнул» (Леонов); 2) «[Кокорышкин] Это которая же Аниска? [Демидьевна] *Внучка* даве из Ломтева, от немцев, прибежала» (Леонов); 3) «[Татьяна] Что нужно сделать, чтобы жить иначе?.. Вы знаете?... [Левшин] (таинственно) *Копейку* надо уничтожить... *схоронить* ее надо!» (Горький); 4) «[Кочубей]... Где ты теперь живешь? [Шура] *Здесь* я живу. У Вишняковых» (Михалков); 5) «[Шура] ... Изобрази его посмешице. [Валерий] (ворчит) *Не умею* я эти рожицы вырисовывать» (Михалков).

3. Смешанные динамические структуры.

В предложениях с названными динамическими структурами ударяемое слово находится в середине предложения. Слова, предшествующие ему, произносятся с постепенным усилением каждого из них. Таким образом, ударяемое слово оказывается завершающим и самым сильным словом этого ряда. Слова, идущие после ударяемого слова, произносятся с постепенным ослаблением. Примеры:

1) У него от страха *мурашки* по спине забегали; 2) «[Матвей] И как бы тебе хотелось жить? [Лаврентий] Чтоб все *кипело* вокруг меня, чтоб на людях работать и свои способности развернуть» (Афиногенов); 3) «[Валерий] Ты откуда это шел, когда мы подъехали? [Шура] Я *в больницу* ходил. У меня мама *в больнице* лежит... Совсем *плохо* ей стало» (Михалков).

Возможно, что некоторые из приведенных примеров могут быть произнесены с логическим ударением не на тех словах, на которых оно показано, а на других. Но ту или иную из описанных динамических структур предложения все-таки иметь будет. Выше указано наиболее обычное чтение (произношение) приведенных текстов.

В предложениях с усиливающейся динамической структурой могут оказаться слова, которые хотя и находятся ближе к концу предложения (= ударяемому слову), однако произносятся они могут с меньшей силой, нежели слова, им предшествующие. И наоборот, в предложениях с убывающей структурой ближе к ударяемому слову могут оказаться слова, произносимые с меньшей силой, чем слова, следующие за ними. Например, в предложении *Голова у меня что-то разболелась* слова-местоимения могут быть произнесены с меньшей силой, чем слово *разболелась*. Действительно, слова не знаменательные, например некоторые из видов местоимений, в предложениях с любой динамической структурой отличаются в отношении своих динамических свойств от слов знаменательных, но это вопрос особый.

§ 10. Предложенное разграничение динамических структур повествовательных предложений связано и с другими различиями и прежде всего — фонетическими (акустическими). Одно из действующих лиц пьесы Кожевникова говорит: «*Болит у меня душа*, Апполинарий». Та же мысль или то же состояние могут быть выражены и иначе. Ср.: *У меня душа болит, а тебе все шутки*. Возможно еще и такая конструкция: «*Душа у меня болит!* — азартно воскликнул Фома» (Горький). Если сопоставить эти предложения в их живом произношении или звучании, то, по нашему мнению, не трудно будет обнаружить, что все они прозвучат по-разному, а именно: одни прозвучат громче, а другие тише. Предложение *У меня болит душа*, имеющее усиливающуюся динамическую структуру, прозвучит как самое тихое. Предложение, имеющее смешанную динамическую структуру (*У меня душа болит*), прозвучит громче или сильнее. Но громче всех прозвучит предложение, имеющее убывающую динамическую структуру: *Душа у меня болит* (ср. и в авторской речи: «воскликнул Фома»).

Из сказанного следует, что различные выше три вида динамических структур повествовательных предложений отличаются друг от друга в фонетическом (акустическом) отношении прежде всего тем, что одни из них произносятся громко или служат для громкой речи — структуры убывающие и смешанные, а другие произносятся тихо или служат для тихой и относительно спокойной речи — структуры усиливающиеся.

Различные динамические структуры можно наблюдать и в предложениях, по содержанию неэмоциональных. Приведем пример. Один из рассказов Тихонова начинается так: «Это было на даче. Я сидел на складном стуле...». Представленный здесь начин рассказа повествования может иметь в русском языке и иной вид; ср.: «„Ты если хошь слушай, а врать не мешай“, — сказала одному из присутствующих и после этих слов приступила к рассказу. — „Дело на даче было, — начала она. — Время осеннее, ночи темные“». Наконец, ср. последнюю строку следующих стихов:

В сто сорок солнц закат пылал,
В июль катилось лето.
Была жара, жара пыла,
На даче было это.

При сопоставлении и этих предложений обнаруживаются те же различия в звучании разных динамических структур: с самой меньшей громкостью или тихо будет звучать начин, имеющий усиливающуюся динамическую структуру (*Это было на даче*); с наибольшей громкостью прозвучит предложение в стихах Маяковского, для которого громкость является неотъемлемой чертой поэтической интонации. С средней громкостью прозвучит начин, построенный на смешанной динамической структуре: *Это на даче было*.

В большей громкости убывающих и смешанных динамических структур русской речи можно убедиться и на основании более непосредственных наблюдений над живой русской речью. Ср., например, звучание в живой речи следующих предложений: *Его спрашивает Миша; Его Миша спрашивает; Миша его спрашивает*. Или: *У него болит голова; У него голова болит; Голова у него болит*. Или: *Это было давно; Это давно было; Давно это было* (ср. в пьесе Лавренева: «Давно это было. Жил был тощий ободранный цыганёнок»).

§ 11. О большей громкости смешанных и убывающих динамических структур по сравнению со структурами усиливающимися свидетельствует, между прочим, то обстоятельство, что к указанным структурам, как к структурам более громким и вообще более сильным, мы прибегаем обыкновенно при переспросе о чем-нибудь сказанном нами же, но не расслышанном нашим собеседником. Ср. такой диалог: *Я была в театре*. Не расслышав, собеседник переспрашивает: *Где, где? — В театре, говорю, была*, — следует ответ. Иначе говоря, при надобности усилить речь мы с предложений с усиливающимися динамическими структурами переходим на предложения со структурами убывающими или смешанными, т. е. на формы более громкого говорения.

Мы пользуемся убывающими и смешанными структурами как структурами более громкими и тогда, когда нам нужно усилить слово, которое в предшествующей речи не имело на себе логического ударения. Ср., например, следующий диалог в рассказе Левитова: «— Напугаете вы девочку-то, Осип Петрович, — повторяла жена. — Я бы вот чаю ей налила. — Ш-што? — крикнул Осип Петрович, обратившись к ней в поллица. — Девочку напугаете, — несмело ответила заступница, стараясь не смотреть на мужа...».

Такой же переход с усиливающимися структурами на убывающие как структуры более громкие и сильные мы наблюдаем и в речи одного лица, не прерываемой другим говорящим лицом. Ср.: «[Лиза] (стучится к Молчалину) Послушайте. Извольте-ка проснуться. Вас кличет барышня, вас барышня

зовет» (Грибоедов); «Француз никогда не позволит себе невежества: во время даме стул подаст, раков не станет есть вилкой, не плюнет на пол, но... нет того духу! Духу того в нем нет!» (Чехов); «[Сорин] Без театра нельзя. [Треплев] Нужны новые формы. Новые формы нужны...» (Чехов).

Переход с усиливающих структур на убывающие для усиления речи широко использован Михалковым как прием индивидуализации речи главного героя одной из его комедий. Этому герою принадлежат такие высказывания: «— Кажется, культурные вы люди, а главного не видите! Не видите главного!»; «— И ты тоже, Харахорина, руководишь отделом, а кругозора у тебя настоящего нет! Нет кругозора. Настоящего»; «— А за счет освободившегося пространства расширить городскую площадь и залить ее асфальтом. Асфальтом залить! Да, да!» и т. п.

§ 12. В процессе общения может возникнуть и противоположная потребность, т. е. потребность не в усилении, а в ослаблении речи. Достигается это при помощи перехода говорения с громких динамических структур на тихие. Ср., например, такой диалог в пьесе Леонова: «[Алексей] Почему ты не на даче, дядя Митя? [Ладыгин] Вот жду фронтowego друга. Томлюсь, и время идет на убыль.

Может быть, полдюжины часов в разных комнатах квартиры вперевивку вызванивают время. Дядя и племянник переживают этот музыкальный шум.

[Ладыгин] ...идет на убыль время, и не приходит старый друг».

Предложение *Время идет на убыль* имеет убывающую, громкую динамическую структуру, предложение *Идет на убыль время* — усиливающуюся, тихую. Полагаем, что эти различия связаны с разными целями произношения указанных предложений: первое предложение вызвано вопросом собеседника и произносится с таким расчетом, чтобы собеседник услышал его. Второе, возникающее в связи с боем часов, представляет собой в сущности разговор Ладыгина с самим собой или внутреннюю речь говорящего. Оно не рассчитано на слух собеседника, непосредственно с происходящим диалогом не связано и может быть произнесено очень тихо.

§ 13. О большей громкости убывающих динамических структур особенно убедительно свидетельствует то обстоятельство, что мы постоянно пользуемся ими тогда, когда довести наши слова до слушателя нам представляется особенно необходимым. В таких случаях речь наша становится особенно громкой и легко переходит даже в крик. Примеров такого употребления предложений с убывающими динамическими структурами можно было бы привести большое количество. Ср.:

«— Папа, коновал пришел! — крикнула из другой комнаты Варя» (Чехов); «— Володя приехал! — крикнул кто-то на дворе. — Володичка приехали! — завопила Наталья, вбегая в столовую» (Чехов); «Яков погулял по выгону, потом пошел по краю города куда глаза глядят, и мальчишки кричали: „Бронза идет! Бронза идет!“» (Чехов); «— Солнце взошло! — вскричал он, увидев блестящие верхушки деревьев...» (Достоевский); «— И вдруг раздался крик: „Верфи горят!“» (Лит. газета).

Во всех этих примерах слова автора *кричали, вскричали, завопили* и др. указывают, что перед нами предложения не просто громкие, а громкие в высшей степени.

Таким образом, рассмотренный материал приводит нас к заключению, что те виды динамических структур повествовательного предложения, которые были намечены нами выше на основании расположения в них логически ударяемых слов, отличаются друг от друга прежде всего тем, что одни из них служат в нашей речи для громкого или более или менее громкого говорения (структуры убывающие и промежуточные), а другие — для тихого или более или менее тихого говорения (структуры усиливающиеся).

§ 14. На основании того же критерия, который был выше положен нами в основу разграничения громких и тихих динамических структур.

т. е. на основании месторасположения логически ударяемого слова в повествовательном предложении, может быть намечена шкала громкости динамических структур, встречающихся в нашей речи. Если усиливающуюся динамическую структуру, лежащую в основе предложений с логически ударяемым словом в конце предложения, условиться считать динамической структурой первой степени громкости, то структуру, лежащую в основе предложений с логически ударяемым словом на втором месте от конца предложения, можно считать структурой второй степени громкости; структуру, лежащую в основе предложений с логически ударяемым словом на третьем месте от конца предложения, — структурой третьей степени громкости и т. д. Ср., например, предложения с динамической структурой четвертой степени громкости: «*Мама* ваша вас ждет»; « — *Совершенно* не понимаю этого человека! — растерянно разводил руками Николай Николаевич» (Василевский).

Ударяемое слово может находиться и не в начале соответствующих предложений. Ср.: «Вдруг у самой его ноги *снег* воронкой до земли протаял» (Бажов); «На другой день весь *народ* на Думной горе собрался» (его же). Можно привести предложения и с динамической структурой пятой степени громкости: «*Много* теперь девушек бродит по тайге» (Василевский); «— Сказка, Пантелей Петрович, сказка! Уж я-то *лучше* вас знаю о Соколином Глазе!» (его же).

Расположение ударяемого слова в предложении связано со степенью громкости произношения данного предложения по правилу: чем ближе к началу расположено в предложении ударяемое слово, тем громче его динамическая структура.

Особое замечание следует сделать о предложениях, в которых логически ударяемое слово находится в абсолютном начале. В таких случаях, какое бы место от конца предложения ударяемое слово ни занимало, предложение это будет иметь все возможные в нашем языке степени громкости. Например, предложение *Дождь идет* по месту расположения ударяемого слова от конца предложения имеет структуру второй степени громкости, но в действительности оно может быть произнесено и с третьей, и с четвертой, и с пятой, и вообще с любой степенью громкости, возможной в русском языке. Сказанное относится и к предложениям, в которых начальное ударяемое слово занимает третье, четвертое и т. д. места. Объяснения этому явлению следует искать в особых условиях фонетики начала предложения.

§ 15. Возникает вопрос, с какими свойствами интонации связана большая громкость одних динамических структур и меньшая громкость или тихость других. Полагаем, что это объясняется прежде всего различной силой произношения ударяемых слов: логически ударяемое слово произносится тем сильнее, чем ближе к началу предложения оно находится. Следовательно, наиболее сильным ударение бывает на первом слове предложения, а наиболее слабым — на его последнем слове. Самым сильным логическое ударение бывает на слове, стоящем в начале предложения. Конечно, это нуждается в экспериментальной проверке.

Однако имеются и данные наблюдений других исследователей, указывающие на правильность выдвинутого положения. Н. Н. Дурново писал, что «порядок слов (в русском языке. — В. Ч.) может служить для выделения слова во фразе как такого, на котором сосредоточена мысль говорящего. Такое слово, если не выделяется особой подчеркивающей интонацией, в невопросительных фразах ставится обычно в конце: у нас вчера был *спектакль*; спектакль вчера был *у нас*; спектакль вчера у нас *был*; у нас спектакль был *вчера*»¹.

¹ Н. Дурново, Повторительный курс грамматики русского языка, вып. II — Синтаксис, ч. I — Введение и учение о формах словосочетаний, М.—Л., 1929, стр. 19.

В этом высказывании безусловно преувеличено значение порядка слов, и именно значение последнего места в предложении, ибо совершенно непонятно, каким образом место, явление пространственного (на письме) или временного (в живой речи) значения, может служить средством выделенія. Однако это преувеличение имеет в своей основе заслуживающее полного доверия наблюдение, согласно которому в конце предложения логически ударяемое слово может не выделяться «особой и одчеркивающей интонацией» (разрядка моя.—В. Ч.). Из этого, однако, не следует, что указанное слово не будет произноситься с большей силой, чем все остальные слова этого предложения.

Гораздо дальше идет в выводах из своих наблюдений, по-видимому, над подобными же предложениями М. И. Матусевич. В упомянутой выше работе этого автора говорится: «При помощи логического ударения можно дать одной и той же фразе (? — В. Ч.) целый ряд различных смысловых оттенков. Например, фраза *сегодня я пойду в театр* может быть сказана и без логического ударения, выражая в этом случае простое констатирование факта»¹. По нашему мнению, М. И. Матусевич допускает неточность, утверждая, что в русском языке существуют предложения без логического ударения. Таких предложений не бывает, за исключением случаев специального значения. Ряд грамматически организованных слов (*Сегодня я пойду в театр*) может получить значение констатирующего предложения только при условии, если он будет произнесен с интонацией, имеющей ударение на последнем слове (*в театр*). Слово это прозвучит в указанном предложении, действительно, слабее, чем, скажем, в предложении *Сегодня я в театр пойду* или *Сегодня в театр я пойду*. Вероятно, это обстоятельство и послужило поводом, как и у Н. Н. Дурново, для заключения о существовании в русском языке предложений, не имеющих логического ударения.

Не о том же ли (т. е. о более слабом произношении ударяемого слова в условиях конца предложения) говорят и приведенные выше слова Л. В. Щербы: «фразовое ударение, если имеет не выделяющую функцию, а одну лишь фразообразующую, падает в русском языке на конец „фразы“ и тогда нами не особенно замечается»² (разрядка моя.—В. Ч.). Весьма показательно, что все эти наблюдения относятся к логически ударяемому слову в конце предложения, между тем как по отношению к тем же словам в середине или в начале предложения подобных наблюдений, сколько нам известно, в печати не сообщалось.

Дополним приведенные выше наблюдения еще одним. При художественном чтении нередко в предложениях описательного характера логическое ударение в конце предложения не слышится, но зато вместо него наблюдается несколько замедленное произношение, по сравнению с другими словами того же предложения, тех слов, на которые должно было бы приходиться логическое ударение. Таким образом, и эти случаи, строго говоря, не представляют собою исключения из правила, согласно которому в русском языке не бывает предложений без логического ударения. Отметим также, что не в конце предложения описанная замена логического ударения более медленным произношением соответствующего слова нами не наблюдалась. Следовательно, приходится признать, что в конце предложения логически ударяемое слово произносится менее сильно, нежели в середине или в начале предложения.

§ 16. Итак, на основании вышесказанного мы заключаем, что логически ударяемое слово в предложении произносится тем сильнее, чем больше оно выдвигается в начало предложения. Следовательно, в предложениях, имеющих динамические структуры убывающего типа, логически ударяемое слово будет произноситься с наибольшей силой, в предложениях со

¹ М. И. Матусевич, указ. соч., стр. 74.

² Л. В. Щерба, Опыты лингвистического толкования стихотворений, стр. 24.

смешанной динамической структурой оно будет произноситься менее сильно, но сильнее, чем в предложениях с усиливающейся структурой. В предложениях с усиливающейся динамической структурой оно будет произноситься с наименьшей возможной для ударяемого слова силой и поэтому может не замечаться. В этом состоит первое фонетическое различие между описанными выше динамическими структурами.

Второе различие связано с первым и может быть установлено лишь после того, как будут выяснены отношения, в которых находятся различные динамические структуры к мелодике соответствующих предложений. Приведем в известность наиболее важные для наших наблюдений данные из области изучения мелодики русского повествовательного предложения. Здесь важное значение имеют наблюдения, послужившие основанием для разграничения в русском языке предложений повествовательных, вопросительных и восклицательных.

А. М. Пешковский, выясняя интонационные особенности этих типов предложений, дает схемы мелодии сложного и простого повествовательного предложения. По его наблюдениям, повествовательная интонация является интонацией восходяще-нисходящей: начавшись с определенного тона, она повышается до известного слова или слога, а затем до конца предложения понижается. Эти наблюдения в общем согласуются и с наблюдениями других исследователей, например Городненского, Богородицкого, Всеволодского-Гернгросса. По наблюдениям В. А. Богородицкого, мелодия повествовательного предложения (нераспространенного) — нисходящая или падающая. С этими наблюдениями совпадают в общих чертах и наблюдения Л. В. Щербы. По его мнению, в русском языке различаются два вида «фраз»: двучленные и одночленные. Мелодию первых он описывает так: «Первая часть двучленной фразы произносится, как одночленная, но с обязательным повышением на последнем слоге. Вторая часть является целиком падающей, причем особо характерным для двучленности является внезапный переход от повышающегося последнего слога первой части к низкому тону первого слога второй части, который контрастирует с плавным падением одночленной утвердительной фразы...»¹. Согласно этому описанию, предложения *Ленинград — большой город* или *Он вырезал это замечательное произведение искусства простым ножом* имеют восходяще-нисходящую мелодию.

«Одночленным фразам» русского языка Л. В. Щерба не дает полного описания. Указав, что во французском языке в таких случаях «наибольшая высота передвигается на предпоследний слог, последний же слог оказывается сильно падающим по высоте», он замечает: «Подобное падение, характеризующее конец утвердительной фразы, существует и в русском языке»². Если обратиться к примерам «одночленных фраз»³, то среди них мы найдем и такие, которые будут произноситься приблизительно так же, как произносятся, по Богородицкому, нераспространенные предложения, т. е. с нисходящей или падающей мелодией:

Он пошел в театр.

Но среди них имеются и такие (например, *Я вернулся из командировки вчера вечером*), которые наряду с вышеуказанным произношением, по-видимому, могут иметь и мелодию восходяще-нисходящую. Эта мелодия вряд ли отличается чем-нибудь в отношении ее общего рисунка от мелодии «двучленной фразы». То, что Л. В. Щерба считает «особо характерным» для двучленных фраз, не изменяет общего восходяще-нисходящего вида рисунка.

¹ Л. В. Щерба, Фонетика французского языка, стр. 124.

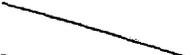
² Там же, стр. 120.

³ Там же, стр. 117.

Итак, можно считать, что русскому повествовательному предложению свойственны два вида мелодий: восходяще-нисходящая мелодия и падающая, или нисходящая.

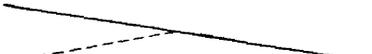
§ 17. Переходим теперь к рассмотрению вопроса о взаимоотношениях между мелодией и динамической структурой в интонации русского повествовательного предложения. Ввиду чрезвычайной ограниченности наших знаний по мелодике и динамике русского предложения речь будет идти ниже лишь об отношениях наибольшего повышения тона и наибольшего ударения (логического ударения). Указанные элементы в интонации русского повествовательного предложения могут находиться в следующих отношениях:

1. Наибольшее повышение приходится на первое или одно из первых слов предложения, а логическое ударение падает на последнее слово предложения, произносимое при наибольшем падении тона:

 „Поезд давно пришел. Что же дети-то не едут?“ (Л. Леонов)

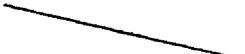
Так же будут произноситься и такие предложения: «Рагозин протянул руку:— Смета с вами?» (Федин); «Калитка стояла настежь» (его же); «[Вагин] Люблю видеть тебя поэтом» (М. Горький); «Мешков потянул рука за рукав» (Федин); «Никакой полет в небо невозможен без земли» (его же); «В необычайной грусти Аночка улыбнулась» (его же); «[Треплев] Я имел подлость убить сегодня эту чайку» (Чехов); «[Нина] Ваша жизнь прекрасна!» (его же).

Во всех этих примерах наибольшее повышение и ударение, как было указано, будет приходиться на разные слова. О наибольшем повышении нужно сказать еще следующее. Интонация предложения может начинаться непосредственно с наибольшего повышения. Но ему может предшествовать и некоторый подъем или приступ. Так, например, предложение «Вам шлют поклон ваши почитатели» (Чехов) может быть произнесено только с мелодией падения, но наибольшее повышение при произнесении может поместиться на слове *поклон*, слова же, предшествующие этому слову, будут произноситься при постепенном повышении тона:

 Вам шлют поклон ваши почитатели.

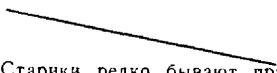
Первое из описанных произношений представляется наиболее живым и естественным. Второе — несколько искусственным и даже, пожалуй, книжным. Сказанное здесь относится и к последующим двум группам фактов.

2. Повышение приходится на первое слово предложения или на одно из первых его слов, а ударение — на срединное (второе слово от конца). «[Ладыгин] И какой же вуз вы себе избрали? [Аннушка] (застенчиво):

 —Папка в науку уговаривает“ (Л. Леонов)

Другие примеры: «На дворе гроза собирается» (Чехов); «[Александра Ивановна] А Василий в подлодке ходит, под водой» (Леонов); «[Лена] Меня танкисты подвезли» (его же); «—Мы с нею дуэты играли» (Чехов); «[Катерина] Пойдем, я тебе покушать накрою. Тут у нас собранье будет» (Леонов); «[Стрекопытов] У меня там колышки стоят и ямки накопаны» (Леонов).

3. Повышение на первом слове или на одном из первых слов предложения, а ударение — на одном из срединных слов (третьем, четвертом и т. д. от конца предложения):

„Старика редко бывают правы“ (М. Горький)

Другой пример: «[Ладыгин] Фу, жара! (опускаясь в кресло). В такую погоду рыбу на речке удить» (Леонов).

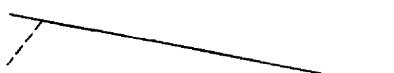
4. Наибольшее повышение и наибольшее ударение приходится на одно и то же слово, стоящее в начале предложения:

„Павел идет... слышу его нелегкие шаги“ (М. Горький)

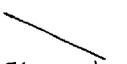
Другие примеры: «[Аркадина] Нога моя здесь больше не будет!» (Чехов); «[Настасья Тимофеевна] Голова у меня что-то разболелась» (его же); «[Шабельский] (входит и хохочет) Честное слово, это не мошенник, а мыслитель, виртуоз! Памятник ему нужно поставить» (его же); «[Сухожилов] Вот конец ее письма, волосы дыбом поднимаются!» [Н. А. Некрасов (Перепельский)]; «[Назар] Не слышал разве? Волнение идет в народе... по случаю болезни этой...» (М. Горький).

Явление повышения или подъема в начале предложения, которое, по крайней мере факультативно, может являться при произношении примеров первых трех групп, возможно, по-видимому, и в этой группе фактов, но в более ограниченном виде. Объясняется это тем, что в первых из указанных примеров безударная начальная часть предложения, при произношении которой повышение могло себя обнаружить, может состоять из нескольких слов, а в примерах данной группы она может — в лучшем случае — состоять всего из нескольких безударных слогов. В соответствии со сказанным полагаем, что предложения вроде *Голова у меня что-то разболелась* могут быть произнесены следующими двумя способами:

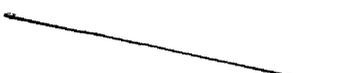
Голова у меня что-то разболелась.

Схематически отношения между наибольшим повышением тона и наибольшим ударением в приведенных примерах можно изобразить следующим образом:

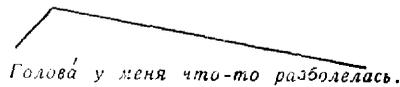
Павел идет.

Наибольшее повышение и ударение приходится на одном слоге; на первом слоге слова *Павел*.

Нога́ моя здесь больше не будет!

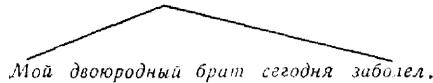
Наибольшее повышение здесь приходится на первый слог слова *нога*, наибольшее ударение — на слог *-га* в том же слове.

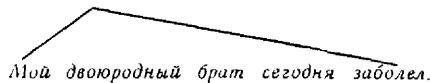
Наибольшее повышение приходится здесь на второй слог слова *голова*, ударение — на последний слог того же слова.

Эти изображения показывают между прочим, что наибольшее повышение и ударение совпадают полностью на начальном слове и слого предложения только тогда, когда предложение начинается со слова с ударяемым первым слогом. Если же ударение на первом слове помещается на втором или третьем слоге, то наибольшее повышение может приходится на начальные неударяемые слоги, а логическое ударение — на слог ударяемый, произносимый уже при некотором понижении. Из сказанного становится ясным, что логически ударяемое слово никогда не может находиться на волне повышения тона, если оно не заключает эту волну, но всегда лишь на волне его спада.

Объясним то же самое еще на примере А. М. Пешковского — *Мой двоюродный брат сегодня заболел*. При самом обычном его произношении наибольшее повышение, как и показано в схеме А. М. Пешковского, будет находиться на слове *брат*, а ударение — на слове *заболел*. Но если бы мы захотели при помощи той же конструкции сказать, что заболел *брат*, а не *сестра*, и сделали бы ударение на слове *брат*, то тогда наибольшее повышение «отступило» бы на слово *двоюродный*:

Если же при помощи той же конструкции мы бы захотели сказать, что заболел именно *двоюродный* брат, и сделали бы ударение на этом слове, то тогда наибольшее повышение пришлось бы на безударные слоги этого слова:

Таким образом, наибольшее повышение и наибольшее ударение находятся в интонации повествовательного предложения как бы в антагонистических отношениях. Они совпадают полностью только тогда, когда не имеют никакой возможности разойтись, т. е. когда логическое ударение приходится на начальное слово с ударяемым первым слогом.

§ 18. Приведенные выше данные позволяют сделать следующие заключения:

1. Отношения между мелодией и динамической структурой (наибольшим повышением и наибольшим ударением — мелодическим акцентом и логическим ударением) в повествовательном предложении могут складываться по-разному: оба указанных элемента интонации — повышение и ударение — могут выступать в нем раздельно, помещаясь на разных словах предложений (первые три группы примеров); но они могут выступать и совместно на первом слове предложения. При этом следует заме-

тить, что ударение будет или совпадать с наибольшей высотой тона (4-я группа примеров), или будет приходиться на слова, произносимые на волне падающего тона, но никогда не будет приходиться на слова, произносимые с постепенным повышением.

С выдвижением логически ударяемого слова вперед — хотя бы на одно слово — изменяется его положение по отношению к мелодической структуре предложения.

2. Чем сильнее выдвигается вперед (к началу) в предложении ударяемое слово, тем более высоким тоном оно будет произноситься. Из этого следует, что если ударяемое слово находится в начале предложения, то оно будет произноситься при наибольшей возможной в мелодии данного предложения высоте тона. Наоборот, если ударяемое слово будет находиться в конце предложения, оно будет произноситься при наименьшей возможной в мелодии данного предложения высоте тона (т. е. при наибольшем понижении или падении).

3. Совпадение наибольшей высоты с наибольшим ударением на ударяемом слове первого слова предложения по законам физики должно дать наибольшую громкость звука в том звуковом ряду, которым является предложение. Если ударение помещается на одном из срединных слов, т. е. произносимых на волне падения, то громкость произношения данного слова будет слабее, чем слова, произносимого при наибольшем повышении, но сильнее всякого другого ударяемого слова, идущего после указанного слова. С наименьшей громкостью произносятся ударяемые слова в конце предложения. Из сказанного следует, что наиболее громкими являются в нашей речи убывающие динамические структуры, менее громкими — смешанные и самыми негромкими или тихими являются структуры усиливающиеся.

Итак, следовательно, большая громкость убывающих и смешанных динамических структур обусловлена, во-первых, тем, что ударяемое слово находится в них на первом месте (или первых местах) в предложении, а во-вторых, тем, что в этих случаях и повышение интонации, и ударение могут находиться на одном (первом) слове предложения.

Из сказанного следует далее, что в создании фонетических структур предложений разной степени громкости участвуют не только сила, но и голос или тон. Это вполне понятно, ведь сама по себе сила произношения не может быть ни громкой, ни тихой. Она получает значение в приложении к чему-нибудь, в данном случае — в приложении к голосу или тону, что и предусматривается в принимаемом нами определении логического ударения как «усиления тона».

§ 19. Теперь попытаемся выяснить значение различных динамических структур в системе русского общенародного языка. Нельзя не обратить внимания прежде всего на то, что появление в речи громких и тихих динамических структур не является чем-то случайным, объясняемым, например, особенностями индивидуального говорения и т. п. Громкие и тихие структуры существуют в языке как структуры соотносительные, противопоставленные. Приведем некоторые примеры.

С о о б щ е н и я о д в и ж е н и и к о г о - н и б у д ь :

«[Маша] Папа, дети, смотрите, вот объявление идет» [о человеке, который нес плакат с надписью] (Л. Андреев).

Ср. реплику того же лица:

«Папа, дети, смотрите, идет полицейский».

«Эх, мил-лай! Посмотри, вот татарин идет» (Короленко).

«[Тарас Бульба] Смотрите, детки, вот скачет татарин!» (Гоголь).

Сообщения о приходе или прибытии кого-нибудь:

«[Лакей] (входит) Анна Петровна приехала» (Салтыков-Щедрин).

«[Кулыгин] Приехала начальница, пойдём» (Чехов).

«[Оброшенов] Верочка! Саша пришел!» (А. Н. Островский).

«[Живоедова] [после того, как вошел слуга.— В. Ч.] Пришел Дмитрий, Прокофий Иванович» (Салтыков-Щедрин).

Сообщения о явлениях природы:

«[Маккавеев] Что на свете-то делается Дождь идет!...» (Леонов).

«— А, идет снег! — сказал я, вставая и глядя в окно» (Чехов).

Сообщения о физических и душевных состояниях:

«[Сорин] Но опять со мной что-то того... (пошатывается). Голова кружится» (Чехов).

«[Магда] Что с вами, Говард?! [Флинк] Не понимаю. ...Кружится голова...Подкашиваются ноги...» (Я. Анушкин).

Сообщения о зове или ожидании:

«[Романюк] (Батуре) Да, Сергей Павлович, вас Надя ждет» (Корнейчук).

«[Ксения Ионовна] [директору. — В. Ч.] Вас ждут женщины. Целая очередь!» (Погодин).

Сообщения предположения:

«[Ласуков] Холодно становится... Может, завтра мороз будет...» (Н. А. Некрасов).

«[Маша] Душно, должно быть ночью будет гроза» (Чехов).

Начин повествования:

«Старик да старушка жили, семьи у них один внук был» (Ончуков).
«Два брата жили, оба женаты» (его же).

«Жил старик да старуха, а у них был сын Иван» (Ончуков).
«Жили два брата, один жил бедно, другой богато» (его же).

Речь рассказчика в диалогах:

«— Што ты делаешь?—мужик спроси» (его же).

«— Что, любезный мой муж, пришел ты кручиноват, печален,— спрашивает его жена» (его же).

«— Прощай, черный ворон, я сейчас пойду от тебя проць,— Иван Поповиць говорит ему» (его же).

«— А где тут человек с собакой? — Не видал,— говорит старик.— — Врешь! — говорит Яга» (его же).

Противопоставленность громких и тихих динамических структур наблюдается не только в простых предложениях, но и в сложных. Ее можно наблюдать и в первых, и во вторых составах сложных предложений. Приведем несколько примеров только для предложений с подчинительными союзами.

Противопоставленность динамических структур вторых составов сложных предложений:

«Давеча ехала — листья последние летят» (Леонов).

«...ты забыла пословицу: застреляли пушки, значит — замолчали книжки» (Федин).

«[Толстая барыня] Когда мой муж был болен, то все доктора отказались» (Л. Толстой).

«...И когда, наконец, и этот парус зашлопскал, ...раздается громовая команда:...» (Чехов).

«[Лука]...а ежели целый век Лазаря петь, то и старуха того не стоит» (Чехов).

«Если Заречная опоздает, то, конечно, пропадет весь эффект» (Чехов).

Противопоставленность динамических структур первых составов сложных предложений:

Кр с в] Где это такая сила
(сть н свете, которая у меня
ее отымет» (А. Н. Островский).
«А что меня бабы любят, так
я в этом не причинен,— очень про-
сто» (Л. Толстой).

«У ней есть отец и мать, которых
она любит и хотела бы видеть»
(Чехов).
«А что в доме живет врач...,
это вам и в голову не пришло?»
(Леонов).

Противопоставленность громких динамических структур (убывающих и смешанных) структурам тихим (усиливающимся), разумеется, не исчерпывается приведенными выше случаями. Сфера ее проявления гораздо шире. Описание фактов этой противопоставленности, в частности — определение ее границ, является большой и важной темой, требующей специального и всестороннего обследования. Но и приведенные нами данные убедительно свидетельствуют о том, что указанная противопоставленность громких и тихих динамических структур проявляется весьма широко и охватывает различные виды речевой деятельности: от отдельных высказываний-сообщений о явлениях окружающей жизни, физических и душевных состояниях человека до высказываний, образующих повествовательную речь. Эта противопоставленность охватывает не только простые предложения, но и сложные, не только речь действующих лиц, но и косвенную речь (речь рассказчика). Указанное обстоятельство обязывает нас говорить не просто о громких и тихих динамических структурах, но о двух разных стилях говорения русской речи.

Итак, на основании различения двух типов динамических структур повествовательного предложения и наблюдений над отношениями этих типов динамических структур к мелодическим структурам повествовательных предложений мы приходим к необходимости разграничения в русской речи двух стилей говорения, существующих в системе русского общенародного языка. Один из этих стилей может быть назван стилем громкого говорения, а другой — стилем тихого говорения.